

Дочери Евы

Романы
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Читайте истории любви в книгах
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Солнечная девушка
Ханская дочь
Его тайная страсть
Та, кто приходит незваной
Огненный Марс
Русалочье счастье
Люблю, убью, умру
С надеждой на взаимность
Девушка-стихия
Интриганка
Не такая, как все
Чужая свадьба
Гнездо ласточки
Любить – губить
Никогда не говори «навсегда»
Я тебя найду
Магнолии, девушка, солнце
Не пара
Отблеск безумной звезды
Злюка
Девушка-рябина
Хозяйка чужого дома
Песчаный рай
О голубка моя!
Роза прощальных ветров
Нежность августовской ночи
Вишни для Марии

ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

МОДА НА
НЕВИННОСТЬ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Художественное оформление *С. Власова*

Трoнина, Татьяна Михайловна.

Т73 **Мода на невинность : [роман] / Татьяна Трoнина.** — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Дочери Евы. Романы Т. Трoниной).

ISBN 978-5-699-90852-3

Если в прошлом девушки есть какая-то тайна, то это всегда придает ей шарма. Тайна, с которой приходится жить Ольге, мучает ее. Точно так же, как и влюбленный в нее мужчина. В конце концов девушка бежит из Москвы в провинциальный городок. Там она знакомится с красавицей Инессой, еще в школьном возрасте родившей двух сыновей. Имя их отца осталось загадкой для всех... Благодаря новой подруге Ольга постепенно приходит в себя. Однако в городок приезжают двое мужчин, которые коренным образом меняют ее жизнь. Это ненавистный Олин ухажер. И некий иностранец, как две капли воды похожий на... давнего возлюбленного Инессы...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90852-3

© Трoнина Т., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

— Уедем отсюда! — умоляюще воскликнула тетушка, хватая меня за плечи.

Мы только что вышли из клиники, уличный шум и непривычно яркое солнце ошеломили меня, я была в тоске и смятении, которые мне мешали сосредоточиться на главном — как жить дальше, а думать об этом надо было уже сейчас, ибо каждый шаг вперед казался мне шагом в пропасть.

— Куда уедем? — испуганно спросила я.

— Господи, дурочка, ты же только что сама слышала, как доктор посоветовал тебе сменить обстановку! — в отчаянии вскричала тетушка, заламывая руки. — Куда? Поедем ко мне!

— В Тишинск? — удивленно переспросила я.

— Конечно, в Тишинск! Прочь из суетной Москвы, из этого Вавилона, подальше от выхлопных газов, жриц любви и извращенцев, которые здесь на каждом углу...

Тетушка моя любила высокий слог, поскольку была учительницей русского языка и литературы — и в высшей степени была оторвана от жизни, постоянно витая в каких-то романтических эмпиреях. Она не замечала того, что пугало и резало глаз, но иногда приходила в ужас от самых обыкновенных вещей. Ей, скромной провинциалке, когда она приезжала в столицу, вечно мерещились жрицы любви и из-

вращенцы, причем, насколько я могу судить, она принимала за таковых людей вполне приличных и достойных — просто следующих моде и отбросивших комплексы. В любой девушке, одетой в прозрачную блузку или эпатажное мини, она видела проститутку, а прихотливо подстриженный юноша вызывал у нее подозрения в нетрадиционных наклонностях. Настоящих извращенцев она не замечала — например, тетя однажды очень обиделась на меня, думая, что над ней шутят, когда я сообщила ей, что мой сосед с нижнего этажа отсидел пятнадцать лет за убийство.

— Как тебе не стыдно! — возопила она. — Милейший человек, профессор МГУ!

— Профессор? — удивилась я тогда. — Это он тебе сказал?

— Сказал! Мы ехали в лифте, и я спросила, не артист ли он — уж больно открытое, мужественное лицо, а он мне ответил...

— Тетя Зина, а что еще он мог тебе ответить!

И вот теперь тетя стояла передо мной и сверлила пламенным, вдохновенным взором, и, похоже, от ее желания увезти меня к себе, в Тишинск, мне было не отвертеться. «В самом деле, а почему нет? — мелькнуло в голове. — Вот и доктор посоветовал...» Я действительно собиралась куда-нибудь поехать, моя квартира в Сивцевом Вражке вызывала во мне мучительные воспоминания, последнее время я не могла жить в ней, а просто ходила из угла в угол и рыдала — потому что каждая вещь была связана с мамой, с ее любовью и ее смертью.

— В Тишинск? — повторила я вслух свою мысль. — Почему бы и нет? Только вот квартира...

— Мы не будем туда заезжать, — судорожно обняла меня тетушка, прекрасно понимая, какие чувства вызывает во мне мое обиталище — о, все, что касалось чувств, она понимала прекрасно, даже как-то чересчур остро, словно не было ничего важнее этих порывов души, этих сигналов, пробегающих по нервным окончаниям! — Потом, когда пройдет время, когда ты успокоишься... Давай сразу же на вокзал!

— Но...

— Твои вещи я захватила, заплатила за квартиру за

полгода вперед! — торжествующе сообщила она. — Уж за полгода ты точно придешь в себя... Ах, деточка, мы не станем концентрироваться на постигшем нас великом горе, мы будем искать в жизни позитивное и наслаждаться природой... — Тетка явно повторяла слова моего доктора, Ян Яныча, бородатого мужчины с диким гипнотическим взглядом, который был буквально помешан на всяких нервных патологиях. Я тоже уважала Ян Яныча, но в науку психиатрию не очень-то верила, ибо даже долгое лечение в его клинике не смогло до конца заглушить мою боль.

— Едем, — согласилась я, чем привела тетю Зину в восторг. — Тишинск так Тишинск, черт с ним...

В самом деле, я как-то не обратила внимания на то, что она приехала забирать меня из клиники с кучей свертков и сумок, которые теперь стояли возле ее ног.

Было начало апреля — какое-то странное, противостественное время, когда вдруг замечаешь, что бесконечная зима уже кончилась и наступило почти лето. Еще две недели назад мела колючая мартовская метель и я в тяжелой цигейковой шубе бродила по больничному саду, оставляя за собой на снегу следы, а рядом шла печальная Нинель Соломоновна Боренгейм, моя соседка по палате, и говорила о том, что этот сухой крупитчатый снег ей напоминает стиральный порошок, в котором она стирала рубашки своего бывшего мужа. Вообще, на что бы ни падал взгляд печальной Нинель Соломоновны, во всем она находила нечто, что тем или иным образом напоминало ей бывшего мужа. Ян Яныч говорил, что случай Нинель Соломоновны типичен — очень многие женщины впадают в глубокую депрессию после того, как их благоверный внезапно покидает семейное гнездышко. Мысль о молоденькой сопернице была настолько невыносима моей соседке, что она едва не спятила. Истерический невроз. Правда, когда я покидала эти стены, состояние Нинель Соломоновны значительно улучшилось — она уже не находила, что ежеутренняя овсянка напоминает ей те времена, когда она самоотверженно боролась с хроническими запорами своего благоверного, а запах растущего в холле экзотического цветка —

аромат одеколона, которым тот орошал свое свежесбрированное личико.

Итак, было начало апреля — очень тепло, почти жарко, и, несмотря на то что цигейковая шуба на мне была нараспашку, я чувствовала себя чужой этому миру.

— Ладно, — вздохнув, пробормотала я, — ты единственная, кто у меня остался...

Я подхватила вещи и зашаркала к автобусной остановке, а тетя Зина, щебеча что-то восторженное и оптимистическое, бросилась вслед за мной.

Только в поезде я позволила себе задуматься над тем, что же я все-таки делаю. Мы ехали в Тишинск в прекрасном купейном вагоне — тетушка настояла, что мы должны ехать непременно в купе, а не в общем, где были только сидячие места. Она волновалась за мое здоровье, но в данном случае это было ненужной роскошью. До Тишинска можно было легко добраться на электричке — часов пять, не больше...

Когда-то, очень давно, мы ездили с мамой в Тишинск — еще до ее неудачного замужества. Я была совсем ребенком и почти ничего не запомнила, помню лишь бесприсветную скуку, которая царила в маленьком провинциальном городишке. Это было зимой — и все две недели своих первых школьных каникул я каталась на санках с ледяной горки, поначалу со снисходительным энтузиазмом, а потом умирая от тоски. Там совершенно нечего было делать и никогда ничего не происходило — об этом я думала сейчас, когда тряслась на верхней полке. Тетушка почему-то решила, что я всю дорогу должна спать, но мне не спалось.

Хотя скука — это не так уж плохо, даже Ян Яныч рекомендовал мне перед выпиской вести размеренный образ жизни.

— Кому-то другому я бы посоветовал что-нибудь радикальное, ибо следующей фазой, необходимой для выздоровления, я считаю хорошую встряску, — заявил он мне, — но вы, голубушка, очень остро реагируете на происходящие вокруг вас события. В лучшем случае вам необходима смена обстановки... Самое оптимальное — деревня, пасторальные прелести и какой-нибудь ненавязчивый сельский труд. Провинция со здоровыми челове-

ческими взаимоотношениями тоже пошла бы вам на пользу...

Вот тетя Зина и потащила меня в Тишинск!

— ...да, вам я боюсь советовать что-нибудь экстремальное, уж слишком вы нежны. Вы, милочка, как мозаика... Ну что вы краснеете, ей-богу — правда! Прошлой осенью я рекомендовал Симакову, моему давнишнему пациенту с манией преследования, экстремальные виды спорта — после того как он пятнадцать раз прыгнул с парашютом, все его фобии исчезли будто по мановению волшебной палочки, даже более того — он решил жениться!

— Слава богу! — воскликнула я тогда, всей душой радуясь за выздоровевшего Симакова. — Доктор... а я? Я смогу когда-нибудь вылечиться?

— Вы, по сути, и не больны... У вас, моя сладкая булочка, лишь затянувшаяся депрессия, скоро все пройдет, непременно пройдет!

Я вздрогнула.

— Да, кстати, не печальтесь по поводу лишнего веса, я вам как мужчина говорю, что ничего лишнего в вас нет...

Не знаю, стоит ли верить прогнозам Ян Яныча и его мужским заверениям, но специалистом он считался хорошим, некоторые пациентки буквально молились на него. Я поступила в клинику неврозов в середине зимы, окончательно измучив тетку и последних оставшихся у меня друзей. Почти все время я плакала и лежала на диване, свернувшись калачиком. До настоящей психиатрической лечебницы мне было далеко, но и пускать дело на самотек тоже было нельзя, и тетка, проведшая со мной последние полгода, решила вплотную заняться моим здоровьем.

...Попасть в эту клинику было непросто, но, видимо, положение мое было настолько неоднозначным, что Ян Яныч принял меня без разговоров. Там было много нервных женщин (и мужчин, но их почему-то меньше), которые приходили в себя после разных жизненных передряг, имелось даже VIP-отделение для «новых русских», которые чрезмерно перетрудились на ниве бизнеса. Смысл лечения, который проповедовал Ян Яныч, был чрезвы-

чайно прост — полностью отгородиться от внешнего мира, оставив за воротами все накопившиеся проблемы.

Да, ворота и стены в клинике в самом деле оказались основательными — высокими и толстыми, за ними не разглядеть картин окружающего мира, даже гудки машин доносились словно издалека. Ни газет, ни телевизора, мобильные телефоны и прочие средства связи отбирались еще на проходной, все говорили шепотом и только на особые, умиротворяющие темы — ни политики тебе, ни экономических кризисов, ни страстных споров по поводу того, какие бабы дуры, а мужики сволочи. Все личные проблемы разбирались с доктором, который был весьма искушенным психотерапевтом и всегда умел подвести измученного и несчастного пациента к тому, что выход есть, непременно есть... даже если его и нет, то все равно ничего страшного... Присовокупите к этому душ Шарко, жемчужные ванны, общие сеансы релаксации... При выписке же доктор, наоборот, рекомендовал какую-нибудь радикальную встряску, но я, как видно, была особым случаем — покой и только покой. А Нинель Соломоновне, например, он посоветовал обзавестись собакой, и последние дня два Нинель допекала меня тем, на какой породе ей остановиться, но потом, к счастью, вспылала любовью к французским бульдогам — с подачи Ян Яныча...

Я выходила из клиники совершенно успокоенная, но успокоенная только внешне — в глубине души я чувствовала, что боль еще живет во мне и нужен только повод, чтобы джинн вырвался наружу. То, что произошло с мамой, со мной, было ужасно, несправедливо, она не имела права умирать так рано и так долго, безнадежно мучиться перед смертью...

— С тобой все в порядке? — спросила тетя Зина — она сидела на нижней полке и штудировала какое-то методическое пособие для учителей.

— Да, — смиренно сказала я. — Немного непривычно как-то... Ведь столько времени я там провела!

— А перекусить?

— Нет, что-то не хочется...

Я совершенно не хотела пугать милую тетушку, вы-

валивая на нее свою тоску и меланхолию, она сама, мне кажется, иногда нуждалась в опеке.

— Пойду подышу немного в тамбуре. — Я довольно неуклюже спрыгнула с верхней полки и вышла в коридор. Есть мне хотелось, но напротив, на разных полках, покачивались супруги в тренировочных костюмах, которые, в отличие от нас, ехали куда-то далеко, за Урал, — муж храпел, а у жены была такая неприятная родинка на щеке... словом, при них мне кусок в горло не полез бы.

Я встала у распахнутого окна и принялась прилежно любоваться проносящимся мимо пейзажем. Москва уже кончилась, и пестрой деревенской полосой тянулась Московская область, некоторые особо ретивые дачники уже копались на огородах... в общем, смотреть было не на что, но прохладный ветер так приятно дул в лицо, что уходить обратно в купе не хотелось.

— Который час? — спросил меня кто-то.

Я словно проснулась.

— Что? Не знаю... — Но часы были у меня на руке. — Погодите — сейчас половина третьего.

Этот «кто-то», приятный мужчина лет тридцати, продолжал смотреть на меня, улыбаясь. Тут-то я и догадалась, что вопрос о времени был только поводом. К сожалению, я не очень умею вести себя с мужчинами, не умею кокетничать и точно знаю про себя, что могу поверить любой чепухе, и оттого стараюсь не верить ничему. Все мои лав стори были исключительно неудачными, может быть, еще и потому, что я никогда и никого не любила. Впрочем, вру — мне было лет четырнадцать или пятнадцать, когда один мальчик, кстати, мой одноклассник...

— Вы далеко едете? — прервав нить моих размышлений и все так же улыбаясь, спросил мужчина. — Я бы хотел оказаться вашим попутчиком!

— Не очень, в Тишинск, — нерешительно сказала я, не зная, правильно ли поступаю, говоря ему это.

— Разрешите представиться — Игорь Евгеньевич... Ах, какая жалость — мне дальше, но мы могли бы обменяться адресами...

Он так расшаркивался, что у меня вдруг промелькнула позорная мысль, что он, возможно, улыбается не

из одной только любезности, что я, наверное, ужасно выгляжу — только что из больницы, после пробежки в цигейковом тулупе — мы опаздывали на поезд... Ну да, этот человек просто хочет посмеяться надо мной! Хотя, по здравом размышлении, я чересчур склонна преувеличивать свое безобразие, недаром Ян Яныч... Головная боль надавила на затылок. Кажется, я слишком долго простояла на сквозняке.

— Так что же вы! — улыбнулся Игорь Евгеньевич. — Я бы хотел знать ваше имя! Конечно, роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет, но я бы хотел знать имя той...

— Что за глупости! — быстро перебила его я. — Знакомиться в поезде... Нет, не хочу, не скажу...

Мне стало совсем не по себе, и я рванула дверь своего купе, заметив мельком, как Игорь Евгеньевич удивленно пожимает плечами. «Веду себя как дура! — подумала я. — А впрочем, чего вы хотите от сумасшедшей?»

— Перекусим? — опять накинулась на меня тетя Зина. Мужчина на верхней полке проснулся и теперь тупо смотрел в окно. — И где ты была так долго, я уже собиралась тебя искать...

— Ах, нет, уже скоро приедем, я не хочу!..

Головная боль напомнила мне о том, что с моей стороны было довольно безрассудно отправляться в Тишинск вот так, по одному легкомысленному желанию тети Зины. Моя аптечка находилась постоянно со мной, и хотя Ян Яныч, однажды проинспектировав ее, нашел, что половина находящихся в ней лекарств являются лишними, я совершенно не представляла без них своей жизни. Но многие лекарства заканчивались, а я так и не успела пополнить их запасы. Кто знает, может быть, в Тишинске ничего этого не будет. Приступы внезапной мигрени, удушья, невралгической боли, судорог и внезапного и полного упадка сил — поистине жизнь моя на этом свете являлась подвигом...

...Тишинск я решительно не узнала и не вспомнила — может быть, потому, что в последний раз была здесь зимой. Это был обычный тихий провинциальный

городок с маленькими домами и неширокими улочками, на полупустом перроне висел выцветший огромный плакат: «Тишинску — 300 лет. В новый год — с новым мэром», на плакате была изображена старинная церковь, позади которой маячил современный многоквартирный дом, а на переднем плане красовался портрет пожилого бородатого мужчины с таким энергичным и добрым выражением глаз, что он и на человека не был похож.

Подъехал кургузый оранжевый автобус, мы с тетей едва втиснулись в него. Центр города был вполне стандартен и даже немного напоминал Москву промышленных окраин, где громоздились железобетонные конструкции семидесятых и хрущевские пятиэтажки, но окраина, на которой жила тетя Зина, была совершеннейшей деревней.

Узкая улица с пыльным, потрескавшимся асфальтом привела нас к двухэтажному длинному строению барачного типа — впрочем, может быть, я и ошибаюсь, называя этот дом «барачным», — он построен из кирпича и довольно крепок на вид, низкие балконы упираются почти в землю... разве у барачков бывают балконы? Не барачный, а барочный... Тетя Зина оказалась в Тишинске после распределения, которое практиковалось когда-то, — она, кажется, вполне могла избежать его, придумав какой-нибудь повод, чтобы не уезжать из Москвы, но, подозреваю, моей добропорядочной тетушке это просто не пришло в голову. Она так и осталась тут — что называется, «жизнь засосала», и в столицу не вернулась. Здешняя тишина и отсутствие явных извращенцев очень ей импонировали.

— Ты помнишь? — улыбнулась тетя Зина, сгибаясь под тяжестью моей цигейковой шубы. — Помнишь?

— Да, — как-то неуверенно промямлила я, оглядываясь по сторонам. — Вон там я каталась с горки...

— Не там, а там, — тетушка указала в противоположную сторону. — Ладно, это все мелочи...

Внутри были деревянные ступени, пахло борщом и нафталином — но не особенно сильно, не до такой степени, чтобы вызвать во мне желание бежать обратно в Москву. Где-то глухо раздавались фортепианные аккорды.

— Это Боря играет, исключительно талантливый мальчишка... — задумчиво произнесла тетя Зина, ковыряясь в дверном замке. — Я думаю, он тебе не помешает... Ведь правда не помешает?

— Ну что ты! — милостиво согласилась я. На первом этаже были еще какие-то двери, но я решительно не помнила, кто там жил, и Борю этого тоже не помнила. Впрочем, он, наверное, в те времена еще не родился.

— Здесь Аристовы живут, наверху Филипыч и Молодцовы... А в этой камерке раньше старый князь жил, теперь у нас здесь кладовая.

— Какой еще князь? — недоуменно пробормотала я, косясь на дверь кладовой, в голове мелькнуло странное словосочетание — «князь тьмы», хотя, по здравом размышлении, этот бедный дом вряд ли мог заинтересовать нечистую силу.

— Ты забыла! Старик Ивашов, умер много лет назад... мы его все князем звали, он, кажется, действительно из дворян был. А вот Филипыч... — тетя Зина понизила голос, — совсем сдал. Такое иногда вытворит...

Квартирку тети Зины, состоявшую из двух небольших комнаток и огромной неудобной кухни, посреди которой стояла облезлая газовая плита, я помнила хорошо, потому что со времени последнего моего приезда в ней ничего не изменилось — те же старые шифоньеры, стол с кружевной скатертью, собственноручно связанной тетей Зиной, пестренькие занавесочки с сельским узором в виде буренок и подсолнухов... На окнах цвели фиалки, и пахло здесь как-то особенно уютно, пахло старыми временами, прошлым, когда еще... когда...

— Ты опять плачешь? — перепугалась тетя Зина, поспешно заталкивая мою цигейковую шубу в шифоньер. — Ты плачешь?!

— Нет, ничего. — Я заставила себя улыбнуться. — Просто... аллергия на нафталин.

— Будет, будет тебе. — Она истоиво поцеловала меня в лоб и побежала на кухню ставить чайник. — У меня и конфеты есть. Ты любишь «Цитрон»? — из кухни закричала она.

— Люблю, — вздохнула я.

К вечеру я почувствовала себя окончательно простудившейся.

— Да что ж это такое! — с отчаянием запрочитала тетушка, обнаружив у меня температуру. — Какая-то нескончаемая вереница... Надо мед, срочно мед! У Любви Павловны есть запасы...

Она куда-то убежала, а потом явилась с этой самой Любовью Павловной — элегантной и подтянутой женщиной бальзаковского возраста, которая с большим участием принялась расспрашивать меня, где же я могла так простудиться.

Нет ничего глупее этих разговоров, во время которых пытаются понять, где человек умудрился захворать, — от них нет никакого толку, и даже если в озарении обнаружишь, что вот именно там-то и там-то проклятый вирус застиг тебя врасплох, то температура от этого не понизится.

— Я у окна стояла, в вагоне... — печально пробормотала я, наблюдая, как женщины разводят мед в молоке, втискивают мои ноги в шерстяные носки, набитые горчицей, и достают на свет божий какую-то невероятно вонючую мазь, купленную у приезжих китайцев, — мазь эта якобы обладает волшебной силой и может помочь от любой хвори.

— Да разве ж можно стоять у окна в поезде! — всплеснула руками Любовь Павловна. — Ведь еще только начало апреля, такие ветры...

— Не ветры, а ветра, — со значительным видом перебила ее тетушка.

— Ах да, пардон! Ну, не суть важно... Да разве ж можно... Оленька, а ты помнишь, как я угощала тебя варениками — тебе было лет десять, и ты приехала на зимние каникулы и сказала, что вареники у меня неправильные?

— Точно! — Я вдруг вспомнила эти вареники и Любовь Павловну, которая, кстати, совсем не изменилась с тех пор, только волосы перекрасила в цвет перспелой вишни. У нее есть еще дочь, очень странная дочь, потому что...

— Переворачивайся-ка, мы тебе спину намажем, — командовала тетушка.